

Отечественная война 1812 года в исторической памяти смолян

Рассказы о пожаре Москвы, о
Бородинском сражении, о Березине,
о взятии Парижа были моею
колыбельной песнею, детскими
сказками, моей Илиадой и Одиссеей.

А.И. Герцен

Одной из главных миссий музея является возрождение исторической памяти и воспитание чувства гордости за подвиги предков.

Одной из основных задач в научно-исследовательской и экспозиционно-выставочной работе Государственного историко-культурного и природного музея-заповедника А.С. Грибоедова «Хмелита» является поиск, изучение и представление такого локального материала, который помогает отразить связь территории музея-заповедника с событиями и явлениями национального масштаба. К таким событиям относится Отечественная война 1812 года. Воспоминания современников, также как их письма и дневники, являются одним из лучших, а иногда и единственным, способом, передающим впечатления обычных людей о важнейших периодах и отдельных эпизодах ушедшей жизни.

Многие из смоленских дворян, уединившись в своих родовых гнездах, хранили свои письма, вели дневники и семейную хронику на протяжении всей своей жизни, предавались воспоминаниям. Некоторые из них позже были опубликованы в дореволюционных журналах. Являясь библиографической редкостью, они стали ценным источником по истории и культуре не только смоленского края¹. До сих пор они чаще всего привлекают к себе внимание исследователей только одной своей стороной: из статьи в статью, из книги в книгу переходят рассказы о знакомстве и родстве мемуаристов с выдающимися личностями, характеризуя дворянский быт «золотого века» русской усадьбы.

Между тем во всех воспоминаниях смолян, написанных в XIX - начале XX в., так или иначе отразились события Отечественной войны 1812 года, которые разделили эпоху на время «до» и «после» войны с Наполеоном. Они составили настоящую хронику тревожных дней Смоленской губернии в 1812 г.

Воспоминания смолян помогают увидеть эти события глазами разных лиц: тех, кто непосредственно принимал участие в боевых действиях в составе русской армии; тех, кому пришлось в разном возрасте оставить свои родовые усадьбы и переместиться в соседние губернии; и тех, кто родился позже и знал о войне по рассказам старшего поколения.

Обширное родство и свойство Грибоедовых в Смоленской губернии позволяют привлечь многочисленные мемуарные и эпистолярные источники в качестве документальных материалов. Особый интерес представляют «мемуаристы из народа», например хмелитский крепостной Прокоп, воспоминания которого до сих пор в полном объеме не опубликованы. Небольшие отрывки этих воспоминаний хорошо известны по книге Н.Э. Волкова-Муромцева «Юность от Вязьмы до Феодосии», использовавшего записи своего отца В.А. Волкова².

В 1912 г. Владимир Александрович Волков, уездный предводитель Вяземского дворянства, был одним из организаторов, а затем членом Комитета по увековечению памяти Отечественной войны 1812 года. Собирая различные сведения о событиях, происходивших сто лет назад, он особенно внимательно подошел к свидетельствам местных жителей — очевидцев, тщательно проверяя всю полученную информацию. Составленные им и переписанные рукой его сына записи хранятся ныне в архиве музея-заповедника «Хмелита». Фрагменты

из них, дополняющие картину наполеоновского нашествия, публикуются нами впервые³.

Довоенная усадебная жизнь для большинства дворян Смоленской губернии протекала по традициям того времени: отучившись и отслужив, они возвращались в свои поместья, обзаводились семьей, строили свое гнездо, занимались хозяйством и воспитывали детей.

Летом в усадьбы съезжались московские родные, знакомые и соседи, по воскресеньям и праздничным дням толпились в парадных залах офицеры полков, квартировавших в губернском и уездных городах, устраивались импровизированные театры на воздухе, «была славная музыка, были танцы и по всей форме бал». И огромная комета 1811 г. для многих «была только великолепною диковинкою», на которую любовались по ночам.⁴

«При объявлении войны с Бонапартом, брат Яков поступил в казаки, — вспоминала дворянка ельнинского уезда М. Николева, называвшая себя кузиной А. С. Грибоедова. — Все, что мыслило, заколыхалось для борьбы на жизнь и смерть с завоевателем; все двинулось на битву, а кто того не мог, тот иначе принимал участие в обороне. Отец, будучи почти уже слеп, пек сухари для войска и бесплатно доставлял их в Комиссариат, а мать и сестры принялись за корпию»⁵.

Когда первые русские военные отряды уже подходили к Смоленску, мирные жители никак не могли в это поверить: «...много говорили про Наполеона, он, говорили, хотел Москву нашу взять, но мы не думали, что он до нас дойдет»⁶.

В начале августа 1812 г. в уездах, расположенных восточнее Смоленска, свои чередом шла уборка ржи, реляции из «Московских ведомостей» обсуждались всей округой, многие молодые крестьяне поступили в милицию. При начавшемся усиленном наборе рекрут, «отцы и матери с плачем и воем» провожали их; «...кое-где проскакивали партии казаков... Слухи носились разные: там показались мародеры ("мародеры", как называл их народ); тут ограбили, убили кое-кого; были люди, возбуждавшие народ к бунту; советовали бросить полевую работу, избив своих помещиков; но все это были слухи»⁷.

Тем не менее «...враг с невероятной скоростью приближался к воротам Смоленска. При его приближении все бежало; мы вынуждены были уехать и расстаться с отцом, который мог решиться покинуть свое любимое обиталище только в случае крайней необходимости. Преисполненные горем и страхом за судьбу дорогого отца, предвидя в будущем одни беды и нищету, мы покидали родной кров, который не надеялись более увидеть», — вспоминала дальняя родственница Грибоедовых А. И. Колечицкая, дочь И.Б.Лыкошина, владельца усадьбы Казулино Вяземского уезда⁸.

О Хмелите старик Прокоп рассказывал: «Не то в конце июля, не то в начале августа баре наши стали "паковать", то что обыкновенно делали только поздней осенью, и уехали в Москву, взяв с собой кого могли из наших»⁹.

Покидая родные места, в спешке готовили экипажи, зачастую чем попало наполняли сундуки, оставляя в усадьбах предметы искусства, фамильные портреты, старинную церковную утварь. По дороге теряли поклажу, лишались лучших лошадей с домашних конезаводов, часто не хватало провианта. Тем не менее многие, кто уезжал из дома в детском или юношеском возрасте, представляли себя путешественниками или «маленькими эмигрантами» из популярных французских романов, рисуя в своем воображении «благородные и опасные поступки», которые они совершат. А. И. Колечицкая писала: «Но я с сожалением думала о своей комнатке в Казулине, которую я тщательно заперла, оставив записочку господам французам: я умоляла их ради их всем известной вежливости воздержаться от разорения моего небольшого имущества...»¹⁰

Воспоминания И.С. Жиркевича, участника Отечественной войны 1812 года и потомственного смоленского дворянина, содержат многочисленные подробности смоленского периода отступления нашей армии: ссоры М. Б. Баркляя де Толли с П.И. Багратионом из-за противоречивых сведений лазутчиков и потери французов из виду, беспрестанные марши и контр-марши по дороге на Рудню через дер. Шеломец, за что солдаты прозвали их «ошеломелыми», о том, что армиям, две недели стоявшим у Смоленска лицом к Петербургу, в начале боя 3-4 августа пришлось драться, повернувшись на своей оси.

Под пером старого ветерана разворачивается широкая панорама битвы за Смоленск и вырисовывается «хладнокровный» и бесстрашный образ М.В. Баркляя де Толли при сдаче и пожаре города. Упоминает И.С. Жиркевич и об одной из самых важных ошибок за всю кампанию, когда под Дорогобужем армию расположили тылом к французам, а лицом к Москве¹¹.

Смоленское дворянство почти все к этому времени выехало в ближайшие губернии. Николевы на первых порах остановились у родных под Тулой, здесь же пережили войну Хомяковы. Лыкошины уехали в Орловскую губернию, где жили в ближайшем соседстве со своими родственниками Якушкиными. На Харьковщину временно перебрались Нахимовы, в Нижний Новгород — Барышниковы и Колечицкие.

Во Владимирскую губернию переселилась вся грибоедовская родня. Хмелита была оставлена на доверенных слуг. Старик Прокоп вспоминал: «После обеда вдруг из-за парка появилось пять всадников, мы все думали "наши", а подъехали — по-русски не говорят. А тут человек сто за ними из-за парка выехали. Что-то бормочат. Кто в деревню пошли, кто к дворцу... Много их было, весь дворец набили, а сено из сараев наших стали солдаты таскать. А нас не трогали, только в деревне сено крали, да костры развели, варят что-то. Мы все притаились, ничего сделать не могли. Ночью все костры горели, а в дворце все комнаты освещены, да шумели там здорово... да обоз за ними пришел, палатки по парку разбили, а на утро на рассвете трубачи заиграли... и к обеду никого не было»¹².

Родство и свойство, всегда по-особому ценившееся среди смоленских жителей, еще ярче проявилось во время разорения, бегства, тревоги за своих родных, находившихся на занятой французами территории или в действующей армии.

В каждой семье против неприятеля сражались отцы, сыновья, старшие братья. У М. Никелевой родных и двоюродных братьев находилось в русской армии 8 человек, у А. Колечицкой — родные братья Владимир и Александр, и двоюродный - «милый Якушкин», и у всех множество дальних родственников и знакомых-смолян: Колечицкие, Рачинские, Глинки, Вонлярлярскис, Керны, Бунаковы, Храповицкие. Грустные известия и волнения за них «причиняли живую боль».

Тревога за родных и знакомых постоянно звучит и в письмах русских солдат и офицеров. Так, П.П. Колечицкий, уроженец Краснинского уезда Смоленской губернии, писал матери в октябре 1812 г.: «... сию пору не знаем наверное, где вы находитесь, а слышали от брата Сергея Николаевича Глинки, что вы изволили будто уехать в Нижний Новгород»¹³.

Зачастую в армии смоляне служили в одном полку, искали встреч друг с другом, узнавали новости о земляках.

Брат А.И. Колечицкой Александр в 1813 г. служил у своего родственника полковника Б.А. Полуектова. Позже, во время отступления при Бауцене, А.И. Лыкошин попал в плен. Его родной брат Владимир узнал все подробности об этом событии под Теплицем в Богемии, «...в Семеновском полку от нашего

Якушкина, которого нашел в палатке одной с двумя Чаадаевыми и князем Щербатовым — нашими добрыми университетскими товарищами»¹⁴.

Многие из дворян, во время нашествия неприятеля, укрывались в Вельском уезде, который находился далеко от линии движения французов и не подвергался нашествию врага. Среди них - Н. Энгельгардт и П. Лыкошин, оставшийся по воле родителей для присмотра за Смоленскими имениями; «прекрасный молодой человек, был убит в 1812 году взбунтовавшимися крестьянами»¹⁵. Оставались в своих имениях дворяне Сычевского и Вяземского уездов, среди которых С.А. Хомяков, отец будущего известного писателя и славянофила А.С. Хомякова, И.Б. Лыкошин и другие.

Для охраны своих усадеб хозяева часто создавали небольшие отряды, составленные в основном из дворовых людей, некоторые из этих небольших групп позже стали многочисленными соединениями, включившимися в партизанское движение. Такие отряды действовали в Казулине Лыкошиных, Богородицком Белкиных, в имениях дворян Лесли, П. и С. Храповицких. Ф. Брецинского, Л. Каленова и др.¹⁶ В окрестностях грибоедовской Хмелиты действовали отряды Бегичева и Повалишина, которые были владельцами усадеб в Вяземском уезде «за Днепром». Современник вспоминал о посещении Хмелиты партизанами: «Кроме Бегичева еще отряд был Повалишина, тоже и сейчас за Днепром живет. Ну он к нам только раз заходил, все ближе к дороге на Смоленск действовал. Наших шесть человек у Бегичева были»¹⁷. Из документов известны имена крестьян помещиком Грибоедовых, участвовавших в партизанском движении: Петр Иванов, Анисим Максимов, Прохор Семенов, Степан Филиппов, Василий Ефремов и Павел Савельев, который особенно отличился в стычках с неприятелем. «Савельев командовал особым отрядом и подавал другим собою пример в мужестве»¹⁸.

Л.Н. Энгельгардт вспоминал: «Оставались родственник мой П.И. Энгельгардт и Шубин, из побуждения, чтобы вредить неприятелю. Когда они были французами схвачены и принуждаемы присягнуть Наполеону, то за отрицание от сего были расстреляны, жены их за верность мужей государем были щедро награждены»¹⁹. С этой же целью оставались в Сычевском уезде Н.М. Нахимов и С.М. Нахимов (отец будущего адмирала), где под их руководством партизанское движение приобрело особенно сильный размах. В одном из своих рапортов Н.М. Нахимов сообщал: «...с 19 числа августа по 25 октября убито нашими 1760 человек, в том числе штаб - и обер-офицеров — 6, в плен взято — 1009...С нашей стороны крестьян убито — 97, ранено — 277 человек. Оставшиеся ружья от неприятеля розданы участвующим крестьянам»²⁰.

Сразу после освобождения губернии смоленские жители стали возвращаться к родным пепелищам. Чаще всего первым ехал кто-то один. «Приятные известия о победах узнал я в Москве, в проезде к отцу моему, в Смоленскую губернию... — писал Л.Н. Энгельгардт, — по Смоленской дороге только что начали выстраиваться некоторые деревни. В Московской губернии все убитые тела были сожжены, а в Смоленской до самого города не надобно было спрашивать о дороге, а следовать по большим могилам, бывшим по обеим сторонам в самом близком расстоянии одна от другой. Города Гжатск, Вязьма, Дорогобуж и самый Смоленск представляли печальное зрелище; стена в Смоленске во многих местах подорвана»²¹.

В дворянских усадьбах царило запустение как в домах, так и в церквях, и в хозяйстве. Поля и луга были вытоптаны, постройки сожжены или разграблены, в некоторых местах оказались вырубленными заказные леса. Во многих имениях все было разрушено самими крестьянами. М.С. Николева писала о возвращении в имение: «Тут мы узнали, что едва выехали мы из усадьбы, как крестьяне начали сходиться к дому, а дворовые, напротив, разбежались....Ранее появления

французов разбушевались крестьяне, требуя от Гульчиинского (управляющий Никелевых. — А. Ф.) вина, так как у отца был небольшой винокуренный завод. Гульчинский трусил, отворил подвал, сам пил с крестьянами, пока они все не свалились с ног и не полегли вповалку, а выпавшись пошли грабить дом, ломать и забирать, что могли»²².

В 1813 г., когда в разных уездах губернии поля остались незасеянными, многим дворянам пришлось заложить свои имения, и несмотря на помощь родных, их семьи никогда уже не смогли освободиться от задолженностей. Дорогобужский помещик Н.М. Колечицкий, пославший в 1812 г. в военную службу троих сыновей и пожертвовавший для армии 3000 четвертей хлеба, исполнял за неимущих дворян все установленные повинности (до 2000 руб.), пока не разорился сам. Совершенно было разорено мелкопоместное дворянство²³.

Грибоедовская Хмелита не вошла в список усадеб, понесших урон от французов, составленный смоленским предводителем дворянства С.И. Лесли. Но из писем владельца имения А.Ф. Грибоедова (дяди писателя) очевидно, что в 1813-1815 гг. постоянные долги вынуждают его некоторое время скрываться сразу от семи кредиторов²⁴. Воспоминания старика Прокопа содержат немало подробностей о пребывании в Хмелите на постое наполеоновской кавалерии во главе с Мюратом во время отступления русской армии, о бое с французами у деревни Барсуки партизан Бегичева при бегстве Наполеона из России, а об уроне, нанесенном в Хмелите французами, он говорил следующее: «Много у нас тут кур украли да коров много зарезали... во дворце немало поломали и в деревне тоже, много раскрыли сена да жнивья и деревьев в парке много порубили»²⁵. Многие дворянские дома в уездах Смоленской губернии сохранились благодаря присутствию хозяев в имениях во время оккупации.

Воспоминания жителей Смоленской губернии содержат немало подробностей, подтверждающихся документами, о разорении и разграблении французами православных церквей. Но бывали и курьезные случаи. М.С. Николева писала, что священник П.С. Белогорский сумел спасти усадебную церковь Никелевых от разорения тем, что от страха упомянул во время службы Наполеона в момент присутствия там солдат неприятельской армии. «До самой смерти отец Петр совестился, что вынужден был помянуть Наполеона и только утешался соображением, что иначе, может быть не уцелел бы храм»²⁶.

Отечественная война 1812 года стала для смоленских дворян переломом «как в материальном, так и в духовном смысле». Надежды многих дворян и крепостных — участников войны на свободу и отмену рабства не оправдались. Впоследствии М.А. Бестужев писал: «Мы были дети 1812 года». Страшное известие о событиях декабрьского восстания «потрясло и разбило спокойствие» всех смолян. Среди декабристов у каждого из смолян были родные и знакомые, казни и аресты которых тяжело отозвались во многих семействах в Смоленской губернии.

Но, несмотря на это, вспоминала М.С. Николева, когда Николай 1, вскоре «по усмирении бунта... делал большой смотр под Вязьмой» и смотр этот должен был «напоминать бывшее там в 1812-м году сражение...», «съезд зрителей был так велик, что небольшой сравнительно город Вязьма был переполнен»²⁷. К сожалению, мемуаристка не упоминает дату этой, по-видимому, первой в истории «реконструкции» сражения русских с французами.

Сохранились также свидетельства современников о пожаловании Николаем 1 в мае 1848 г. и дар городу Вязьме копии с картины мюнхенского художника Гесса, изображающую сражение при Вязьме. Копия была написана художником Васильевым, из Москвы для картины выписали «великолепную золоченую раму, украшенную императорскою короною, российским гербом и

военными трофеями». Торжества по случаю открытия специального зала городской думы, где было решено поместить картину, проходили в городе в канун Рождества при многочисленном скоплении людей, несмотря на жестокий мороз²⁸.

Память о событиях Отечественной войны 1812 года сохранялась в семейных преданиях и фольклоре. Для усадебных библиотек приобретались и бережно хранились томики с произведениями поэтов и писателей, воспевающих силу и славу россов. На приемах и балах в дворянских имениях необыкновенной популярностью стали пользоваться «фронтовые» офицеры.

Обязательным украшением интерьеров кабинетов и гостиных стали изображения Кутузова и героев войны 1812 года, силуэтные изображения и копии с медальонов Ф. Толстого, не исчезла мода иметь в доме бюсты Наполеона и М.И. Кутузова. По свидетельствам потомков из рода Нахимовых, в семье Н.М. Нахимова из поколения в поколение переходил портрет М.И. Кутузова. Из патриотических соображений портреты родственников - героев войны 1812 года заказывались и копировались многочисленными владельцами усадеб для своих домашних гостиных.

Дворянские и крестьянские дети заслушивались рассказами участников войны с французами, с интересом разглядывая их военную форму и боевые награды. Мемуарист, состоявший в отдаленном родстве с П.П. Колечицким и называвший его «дедушкой», сохранил в памяти живые черты «полковника-преображенца старых времен», который увлеченно производил «батальонное ученье целой толпы крестьянских мальчиков», а иногда, вспоминая свою военную службу, «рассказывал некоторые случаи из нее и один раз при этом приказал принести целую кучу сохранявшихся бережно его прежних мундиров. В числе их находился сюртук с пробитою пулею попою, во время Бородинского сражения...»²⁹

Скупые упоминания мемуаристов дают возможность подтвердить архивные данные о судьбах иностранцев, как переселившихся в Россию в начале XIX в., так и французских военнопленных, а также тех, кто помогал французам. Возвратился к Никелевым управляющий именем Гульчинский, который «под предлогом необходимости показывать дорогу врагу (к чему его, как он говорил, принуждали) бросил жену и детей и ушел со своей любовницей, сделавшейся маркитанткой у врагов и затем пропавшей». В Хмелите остался раненый француз, взятый в дом Грибоедовых камердинером. Пленные часто занимали на службе в усадьбах места домашних лекарей и учителей, держали мельницы и ремесленные мастерские. Бесспорно, это свидетельствует о великодушии русского народа-победителя, на которое иностранцы ответили «доверием и благодарностью, трудясь в меру сил на благо России»³⁰.

Необыкновенно возрос интерес к событиям Отечественной войны 1812 года в год 100-летнего юбилея этого знаменательного события в жизни России. В Смоленске и уездных городах создавались комитеты по увековечению памяти 1812 года, активно собирались и издавались архивные, мемуарные и фольклорные материалы о событиях минувшей войны, в городах были установлены первые памятники³¹.

В Вязьме памятником войны 1812 года была объявлена Богородицкая церковь, находящаяся на Торговой площади, где 22 октября 1812 года произошло Вяземское сражение. Вскоре в Вязьме стал функционировать первый на Смоленщине музей 1812 года.

А.И. Колечицкая, начиная свои воспоминания в 1820 г., писала: «Мы живем в замечательное время, в моей памяти еще свежи великие происшествия 1812 и следующих годов Отечественной войны»³². Смоляне, адресуя свои

мемуары в основном своим детям и внукам, не предполагали как долго и гулко будет звучать эхо Отечественной войны 1812 года.

В год 190-летия этого знаменательного исторического события все активнее стали изучаться судьбы русской провинции в контексте войны 1812 года. Особенно важным представляется изучение и возвращение в научный оборот локального материала, в том числе имен, судеб и свидетельств обыкновенных смоленских жителей, на долю которых досталась вся тяжесть войны. В отличие от знаменитых современников их редко вспоминают, но они являются не только историческим фоном для известных личностей, героев войны 1812 года, но и той средой, с которой эти герои были непосредственно связаны и из которой многие вышли.

Эпистолярные и мемуарные источники дают возможность непосредственного переживания и сопереживания, воссоздавая картину героического прошлого, осуществляя духовную связь между прошлым и настоящим, приближая это прошлое к нам, и в этом их ценность

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Среди них воспоминания ельнинской помещицы М. Николевой (Черты старинною дворянскою быта) // Рус. архив. 1893. № 9 - 10); краснинского помещика М. Шаховского («Воспоминания доживающего свой век смоленского дворянина»; были опубликованы анонимно); воспоминания Л. Энгельградта «Записки о моей жизни» (М., 1868; переизданы в 1997 г.); записки владельца усадьбы Морево Н. Повало - Швейковского помогли А.С. Пушкину в его работе над «Историей Пугачевского бунта»; многотомная семейная хроника В. Лыкошина и его родных сестер А. Колечицкой и М. Рачинеккой из имения Казулина стали ценным источником о детстве и юности А.С. Грибоедова и И.Д. Якушкина, эти воспоминания в разное время публиковались частично: *Ликсанов Н.К.* Грибоедов и старое барство. М., 1926; *Он же.* Грибоедов: Исследования и характеристики. Л., 1934; *Колечицкая А. И.* Мои записки от 1820-го года // Лица: Биографический альманах. М.; Л., 1995: обстоятельные письма С. Салтыковой (и замужестве Дельви́г) из усадьбы Крашнево послужили Б.Л. Модзалевскому источником для создания книги «Роман декабриста Каховского» (Л., 1926). Этот перечень можно продолжить.

² *Волков-Муромцев Н.В.* Юность: От Вязьмы до Феодосии. М., 1997.

³ Воспоминания хмелитского крепостного Прокопа // Архив музея-заповедника «Хмелита». ГМЗХ КП-1770. Здесь и далее воспоминания Прокопа цитируются по этому источнику.

⁴ *Колечицкая А. И.* Указ. соч. С. 293.

⁵ *Николева М.* Указ. соч. С. 129

⁶ ГМЗХ КП-1770. С. 10.

⁷ *Николева М.* Указ. соч. С. 131.

⁸ *Колечицкая А. И.* Указ. соч. С. 324.

⁹ ГМЗХ КП-1770. С. 9-10.

¹⁰ *Колечицкая А. И.* Указ. соч. С. 324

¹¹ *Жиркевич А. И. С.* Жиркевич И его воспоминания о Смоленске. Смоленск, 1904. Второе, факсимильное, издание вышло в Смоленске в 2001 г.

¹² ГМЗХ КП-1770. С. 10-12.

¹³ Лица. Биографический альманах. С. 330.

¹⁴ РГАЛИ.Ф. 1337. Оп. 1. Ед. хр. 143. Л. 29об.; *Балунова Н.П.* Усадьба Хмелита и хмелитское окружение семьи Грибоедовых // Проблемы творчества А.С. Грибоедова. Смоленск, 1994. С. 253—262.

¹⁵ Пиксанов Н.К. Указ. соч. С. 65.

¹⁶ Смоленская старина. Вып. 2: 1812-1912. Юбилейное издание Смоленской ученой архивной комиссии / Под рад. П.В. Михайлова и Н.Н. Редкова. Смоленск, 1912; *Жириновский В.М.* Отечественная война в пределах Смоленской губернии. СПб., 1912; Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. М., 1962; *Попов А.И.* Партизаны и народная война в 1812 года // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы, Можайск, 2000. С. 172-207.

¹⁷ ГМЗХ КП-1770. С. 16-17.

¹⁸ Список Сычевского уезда Смоленской губернии отличившихся в сражениях против неприятеля (1812 г.) // Центральный театральный музей им. Бахрушина; *Медведева И.Н.* Вступительная статья // *Грибоедов А.С.* Соч. в стихах. М., 1964.; *Лихачев Д.С., Фомичев С.А.* Пусть будет Грибоедовский музей // Сов. культура. 1983. № 17.

¹⁹ Дело о назначении пенсии семействам гг. Энгельгардта и Шубина, расстрелянных французами // Смоленская старина. 1912. Вып. 2. С. 78-125; *Энгельгардт Л.* Записки. М., 1997. С. 185.

²⁰ ГАСО: Рекламный проспект. Смоленск, 1995. С. 17.

²¹ *Энгельгардт Л.* Указ. соч. С. 185.

²² *Николева М.* Указ. соч. С. 139-140.

²³ *Вороновский В.М.* Указ. соч. С. 246; См. также воспоминания М. Николевой, А. Колечицкой и др.

²⁴ Дело о взыскании с нет (А.Ф. Грибоедова) кредиторами денег // ИРЛИ. 10040/1; *Тархова И.А.* Грибоедовская усадьба Хмелита // А.С. Грибоедов: Материалы к биографии. Л., 1989. С. 58-59.

²⁵ ГМЗХ КП- 1770. С. 10-12.

²⁶ *Николева М.* Указ. соч. С. 140—141.

²⁷ Там же. С. 183-185.

²⁸ Русская старина. 1895 . № 8. С. 101-102.

²⁹ Памятная книжка Смоленской губернии на 1856 г.

³⁰ *Николева М.* Указ соч. С. 141.; *Ермоленко Г.* Французские военнопленные 1812 г. на Смоленщине // Край Смоленский. 2002. № 56. С. 26-33.

³¹ Например, в 1912 г. вышло замечательная книга под рея. Е.Н. Клетневой «Отечественная война в преданиях и сказаниях Вяземского уезда», различные юбилейные издания; см. также: *Комаров Д. Е.* Вязьма и уезд в XIX в. Смоленск, 2000. С. 75-78.

³² *Колечицкая А. И.* Указ. соч. С. 291.